

Малороссійское духовенство во второй половинѣ XVIII вѣка (по пунктамъ малороссійскаго духовенства, представлен- нымъ въ екатерининскую комиссію для составленія новаго уложенія).

14 декабря 1766 года императрица Екатерина II обратилась къ населенію имперіи съ манифестомъ о созваніи комиссіи для сочиненія проекта новаго уложенія. Въ учреждаемую комиссію призывались депутаты со всѣхъ сторонъ имперіи. Высшія правительственныя и другія присутственныя мѣста: Сенатъ, Синодъ, три первыя и всѣ прочія какъ коллегіи, такъ и канцеляріи, кромѣ губернскихъ и воеводскихъ, должны были прислать своихъ депутатовъ; призывались депутаты отъ дворянства (по одному на уѣздъ), отъ городскихъ жителей, отъ однодворцевъ, отъ пахотныхъ солдатъ, разныхъ службъ служилыхъ людей и пр.¹⁾ Но замѣчательно, что изъ всѣхъ сословій русскаго государства не были приглашены въ комиссію депутаты только отъ духовенства и крѣпостного крестьянства. Что же касается до депутата отъ Св. Синода, то онъ по смыслу Высочайшаго манифеста долженъ былъ быть представителемъ не духовенства, какъ сословія, а Св. Синода, какъ государственнаго учрежденія, наравнѣ съ депутатами отъ другихъ

¹⁾ Соловьевъ: *Исторія Россіи*. М. 1877 г. т. XXVII, ст. 41.

правительственныхъ учреждений: Сената, коллегій и пр.¹⁾. Но члены Синода, созная всю важность занятій предстоящей комиссіи, иначе взглянули на это дѣло; они понимали, что синодскій депутатъ силою вещей поставленъ быть въ комиссіи представителемъ всего духовенства, лишеннаго возможности имѣть тамъ своего депутата, носителемъ и выразителемъ его нуждъ и интересовъ²⁾, а потому приступили къ сочиненію такого наказа, который служилъ бы выразителемъ не однихъ только общецерковныхъ нуждъ, а изображалъ бы, по возможности, и нужды всего духовнаго сословія³⁾. Въ этихъ видахъ члены Синода обратились къ нѣкоторымъ епархіальнымъ архіереямъ съ указами, въ которыхъ предписывалось прислать письменное заявленіе о нуждахъ „церкви и духовенства“⁴⁾.

Съ подобными же указами, въ виду особеннаго положенія малороссійскаго духовенства, Св. Синодъ обратился въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1767 года къ Арсенію, митрополиту

¹⁾ Такъ именно и появлъ смыслъ Высочайшаго манифеста Оберъ-прокуроръ Св. Синода Мелесино, когда представилъ Синоду „пункты въ разсужденію для сочиненія Наказа“ депутату отъ Синода съ изложеніемъ только общецерковныхъ вопросовъ, не касаясь сословныхъ нуждъ духовенства. (Крыловъ. Екатерининская комиссія въ ея отношеніи къ духовенству. Вѣра и Разумъ, 1903 г. № 8, стр. 474).

²⁾ Пункты, предложенные Мелесино, повтому, и не подвергались даже официальному разсмотрѣнію въ собраніяхъ Св. Синода. (Прилежневъ. Наказъ и пункты депутату отъ Св. Синода въ екатерининскую комиссію. Христіанское чтеніе. 1876 г. часть II, стр. 227).

³⁾ Дѣйствительно, въ синодскомъ наказѣ имѣются три главы о нуждахъ духовенства: „о епископахъ“, „о священно и церковно-служителяхъ“ и „о выгодахъ, принадлежащихъ священно-служителямъ“. (Сборникъ Импер. Русскаго Историч. Общества т. 43, стр. 46—49).

⁴⁾ Такіе указы были посланы синодальнымъ членамъ, приходившимся во время сочиненія Синодомъ наказа своему депутату въ епархіяхъ: Гавріилу, архі-епископу С.-Петербургскому, Афанасію, епископу Ростовскому, Сильвестру, епископу Черкасскому и Порфирію, епископу Бѣлгородскому (Сборникъ Им. Рус. Истор. Общ. т. 43, пред., ст. I).

Кіевскому и Галицкому, Кириллу, епископу Черниговскому, Гервасію, епископу Переяславскому, и въ ставропигіальныя монастыри: Кіево-Печерскій и Кіево-Межигорскій, требуя, чтобы они „о принадлежащихъ тамошнему малороссійскому духовенству, какъ о владѣніи грунтовъ и мѣстностей, такъ и прочихъ имъ выгодахъ, сочиня обстоятельныя пункты, прислали къ разсмотрѣнію Свят. Правительствующаго Синода“¹⁾. Означенные архіереи охотно отозвались на предложеніе Синода и для отвѣта на его указъ обратились къ содѣйствію духовенства своихъ епархій, такимъ образомъ, представили, каждый отъ себя отдѣльно, а также и оба указанныхъ монастыря, пункты синодальному депутату, изложивъ, по возможности, всѣ нужды епархіальнаго духовенства. Отъ духовенства Кіевской епархіи былъ представленъ одинъ общій отвѣтъ отъ монашествующаго и бѣлаго духовенства; въ двухъ другихъ епархійхъ бѣлое духовенство разсматривало свои нужды отдѣльно отъ монашествующаго и представило особые отъ него пункты. Пункты составлялись при дѣятельномъ участіи самого духовенства на общихъ собраніяхъ прѣставителей отъ каждой протопопіи, нарочно для того собиравшихся въ свой кафедральный соборъ²⁾, и подписаны епархіальными архіереями, архимандритами и игуменами мѣстныхъ монастырей и всѣми малороссійскими протопопами съ подвѣдомственнымъ духовенствомъ³⁾.

Пункты малороссійскаго духовенства представляютъ богатый матеріалъ для опредѣленія состоянія малороссійскаго духовенства начала второй половины XVIII вѣка. Они отли-

¹⁾ Сборникъ Им. Р. Ист. Общ. т. 43, предисловіе, ст. II.

²⁾ Прилежавъ. Христ. Чт. 1876 г., часть II, стр. 236.

³⁾ Пункты напечатаны въ 43 томѣ Сборника Им. Р. И. Общ., ст. 433—597.

Для цѣли настоящаго сочиненія не представляется нужнымъ говорить о томъ, какъ отнесся Синодъ къ полученнымъ отъ малороссійскаго духовенства пунктамъ.

чаются полнотою и обстоятельностью содержанія, они довольно подробно изъясняютъ потребности и пужды духовенства и въ этомъ отношеніи далеко превосходятъ пункты великорусскихъ архіереевъ, которые, при составленіи ихъ, обошлись безъ участія мѣстнаго духовенства, и ихъ пункты, поэтому, не могутъ обнять всѣхъ нуждъ духовенства. Особенною полнотою и обстоятельностью содержанія отличаются пункты отъ духовенства Кіевской епархіи. Уже самый объемъ ихъ (они состоятъ изъ 74 номеровъ, занимающихъ 127 страницъ довольно мелкой, компактной печати) говоритъ о ихъ полнотѣ и обстоятельности. И дѣйствительно, это довольно разносторонняя, обширная и обстоятельная работа; здѣсь каждое требованіе, каждое заявленіе, каждый пунктъ позволяютъ видѣть въ составителяхъ пунктовъ людей развитыхъ, близко знакомыхъ съ исторіей родного края, съ его правами и привилегіями и, наконецъ, съ его современнымъ положеніемъ, его нуждами и недостатками и ихъ причинами и источниками. Пункты отъ Кіевской епархіи, можно сказать, не простое заявленіе о своихъ нуждахъ и желаніяхъ, а обширное сочиненіе, написанное въ защиту старыхъ правъ и вольностей духовенства. Что же касается до пунктовъ отъ духовенства Черниговской и Переяславской епархій и монастырей Кіево-Печерскаго и Межигорскаго, то они не такъ подробны и обширны, какъ кіевскіе—во всѣхъ ихъ находится 74 номера, занимающихъ всего 37 страницъ, въ которыхъ кратко излагаются наиглавнѣйшія желанія ихъ составителей,—тѣмъ не менѣе, при своей краткости и бѣдности содержанія, по сравненію съ кіевскими, они представляютъ все, что только въ данное время волновало духовенство, что представляло наиболѣе наболѣвшаго и жгучаго въ его средѣ. Отсюда понятно то значеніе, какое могутъ имѣть пункты для опредѣленія положенія малороссійскаго духовенства ко времени екатерининской комиссіи. При этомъ нужно замѣтить, что составители пунктовъ не находились подъ какимъ-

либо внѣшнимъ давленіемъ, а излагали свои нужды и желанія свободно и непринужденно ¹⁾, а потому, пункты представляютъ настоящія нужды и желанія духовенства, не сглаженные или уменьшенные давленіемъ извнѣ.

Обращаясь къ содержанію пунктовъ, нельзя не видѣть ту ихъ особенную черту, проходящую красною нитью чрезъ всѣ пункты, что духовенство малороссійское желало оставаться на томъ положеніи, на какомъ Богданъ Хмельницкій со всѣмъ малороссійскимъ народомъ „приступилъ“ подъ державу великороссійскую. Это желаніе не составляло особенностей однихъ лишь пунктовъ, а было общимъ голосомъ всей Малороссіи, въ послѣдній разъ въ 1767 году заявившей о себѣ, какъ объ особомъ народѣ въ общемъ составѣ населенія имперіи, желавшемъ жить и развиваться на основаніи своихъ старыхъ правъ, привилегій и законовъ, выработанныхъ предшествовавшей исторіей. Извѣстно, что, начиная съ договора 1654 года, по которому Малороссія подчинилась русскому царю, идетъ, по случаю избранія гетмановъ, рядъ договорныхъ статей, которыми устанавливается, что Малороссія должна судиться и управляться по своимъ стародавнимъ правамъ и законамъ. Подтвержденія ненарушимости стародавнихъ правъ Малороссіи составляютъ общее правило договорныхъ статей и другихъ законовъ XVII и XVIII вѣковъ, такъ что Малороссія ко времени императрицы Екатерины II находилась еще въ привилегированномъ положеніи. Еще продолжали дѣйствовать тѣ законодательные акты, при которыхъ произошло присоединеніе Малороссіи, равнымъ образомъ,

¹⁾ Этой свободы и непринужденности мы не замѣчаемъ въ сочиненіи наказовъ и изложеніи нуждъ другихъ сословій въ Малороссіи; здѣсь свобода въ выраженіи желаній часто стѣснялась довольно замѣтнымъ внѣшательствомъ поддерживающей власти въ лицѣ Румянцева, также проясками шляхетства, вліявшими на составленіе городскихъ и казачьихъ наказовъ. (Теляченко. Сословныя нужды и желанія малороссійянъ въ эпоху екатерининской комиссіи. *Кіевская Старина* 1890 года, августъ, стр. 179—183. Соловьевъ. *Ист. Рос.* т. XXVII, с. 49—56).

продолжали существовать многочисленныя и разнообразныя привилегіи, которыя даны были малороссійскому народу при его присоединеніи къ Великороссіи. И духовенство не было лишено общихъ привилегій своей страны. Но этотъ старый укладъ жизни постепенно приходилъ къ концу, Малороссія находилась при концѣ ея привилегированнаго положенія. Гетманства уже не было, и новыя реформы, съ назначеніемъ Румянцева на постъ генералъ-губернатора, предчувствовались довольно ясно и носились, можно сказать, уже въ воздухѣ. Реформы эти, несомнѣнно, должны были отразиться и на положеніи малороссійскаго духовенства. Понятно, потому, что у духовенства, какъ и у всей Малороссіи было одно желаніе—сохранить во всей цѣлости всѣ прежнія, дарованныя московскими государими права и привилегіи и возстановить нарушенныя. Такимъ характеромъ децентрализаціи, дѣйствительно, и отличаются пункты малороссійскаго духовенства, представляя, такимъ образомъ, какъ бы противовѣсъ стремленію высшей власти къ уничтоженію особенностей малороссійскаго духовенства.

Желая оставаться на прежнихъ правахъ и привилегіяхъ, малороссійское духовенство и начинаетъ изложеніе своихъ нуждъ и желаній краткимъ указаніемъ на славные историческіе моменты въ прошломъ Малороссіи съ приведеніемъ тѣхъ государственныхъ актовъ, которые имѣли для нея особенно важное значеніе. Сюда, прежде всего, относится Люблинская унія 1569 года съ грамотой польскаго короля Жигмонта Августа отъ 6 іюня того-же года. Этой грамотой малороссійскій народъ сравнивался „во всѣхъ привилегіяхъ, вольностяхъ и свободахъ королевства Польскаго равно съ прочими всѣми обывателями короны Польской“ и дѣлался участникомъ „всѣхъ вольностей и свободъ“; этой же грамотой опредѣлялось сохранять малороссійскій народъ „въ стародавней чести и достоинствѣ, какъ онъ съ предковъ

своихъ содержанъ былъ“, и достоинствъ, честей и урядовъ земли кievской—духовныхъ и мірскихъ, великихъ и малыхъ, греческаго закона будучихъ, не убавлять и не испразднять, но паче въ цѣлости сохранять; всякія же дѣла духовнаго и мірскаго чина людей Малороссійскихъ судить и отправлять Статутомъ Литовскимъ“ ¹⁾). Когда же въ 1654 году малороссійскій народъ изъ-подъ польскаго владычества „приступилъ подъ крѣпкую руку царя Алексѣя Михайловича“, то всѣ „бывшія шляхетскія и казацкія свободы, вольности и обычаи такожь прежнія права и привилегіи къ ненарушиму ихъ содержанію Всемилостивѣйше подтверждены“ ²⁾). Наконецъ, въ самое послѣднее время сама императрица Екатерина II указомъ 1763 года изволила обнадежить, что она желаетъ „благоприсоединенный Малороссійскій народъ сохранить при ихъ правахъ и вольностяхъ“ ³⁾). „И тѣми всѣми, замѣчаетъ духовенство, вольностями, правами и привилегіями въ числѣ Малороссійскаго народа и все духовенство ненарушимо пользовалось до нѣкоторыхъ предъ симъ лѣтъ“ ⁴⁾). Послѣ этого краткаго, такъ сказать, введенія, духовенство указываетъ всѣ тѣ право-нарушенія, какія ему приходилось испытывать,—„а чѣмъ имянно пользовались и по какія лѣта, и съ тѣхъ лѣтъ какова послѣдовала отмѣна,—зѣ послѣдующаго явствуеть“ ⁵⁾).

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній мы и приступимъ къ изложенію содержанія пунктовъ малороссійскаго духовенства, указавъ, что въ своемъ изложеніи мы будемъ придерживаться метода самыхъ пунктовъ. При изображеніи своего положенія малороссійское духовенство всюду пользуется

¹⁾ Сборникъ И. Р. И. О., т. 43, стр. 433.

²⁾ Тамъ же, стр. 434.

³⁾ Тамъ же, стр. 434.

⁴⁾ Тамъ же

⁵⁾ Тамъ же.

методомъ, такъ сказать, историческаго сравненія. Говоря о своемъ современномъ положеніи, духовенство вспоминало старые порядки, сравнивало ихъ съ вновь созданными и, дѣлая въ заключеніе выводы далеко не въ пользу новизны, просило о возвратѣ къ старому времени, которымъ оно увлекалось и которое ставило въ качествѣ программы для будущаго. Въ этомъ отношеніи пункты даютъ возможность исторически прослѣдить, какъ слагалось, со времени присоединенія Малороссіи, то положеніе малороссійскаго духовенства, въ какомъ застала его екатерининская коммиссія. Духовенство въ своихъ пунктахъ какъ бы подводило итоги своей совмѣстной жизни съ Великороссіей и, изображая свое прошлое и настоящее положеніе, тѣмъ самымъ отмѣчало ходъ и развитіе своего сословія и ихъ причины и источники.

Правовое положеніе малороссійскаго духовенства.

Представляя свои пункты въ комиссію, имѣвшую заняться составленіемъ новаго уложенія, малороссійское духовенство не могло пройти молчаніемъ вопроса о томъ, какимъ родомъ правъ оно должно пользоваться. Вопросъ этотъ имѣлъ принципиальное значеніе, то или иное рѣшеніе котораго сопровождалось далеко не безразличными для духовенства послѣдствіями въ его правовомъ положеніи. И дѣйствительно, вопросъ о правахъ духовенства занимаетъ важное мѣсто въ пунктахъ. Съ опредѣленія того, какимъ родомъ правъ, при составленіи новаго уложенія, должно пользоваться духовенство, кievскіе пункты и начинаютъ свои просьбы. Рѣшеніе даннаго вопроса пункты начинаютъ указаніемъ на положеніе его въ дѣйствующемъ законодательствѣ. По этому законодательству „Малороссійскіе духовнаго чина люди и ихъ жены и дѣти ихъ всегда считались въ равенствѣ съ свѣтскими чиновными шляхетскаго чина людьми“ ¹⁾. На то же равенство съ шляхетствомъ указываютъ и авторы переяславскихъ пунктовъ, когда говорятъ, что духовнаго чина люди „по правамъ Малороссійскимъ, по которымъ многими Высочайшими Всероссійскими монарховъ грамотами Малороссійскому народу судитись повелѣно, считались и считаются доселѣ сами и ихъ потомки между шляхетствомъ и правомъ шляхетскимъ пользовались и поль-

¹⁾ Сб. И. Р. И. Общ., т. 43, ст. 434.

Труды Кіевск. дух. Акад. Т. II. 1904 г.

зуются“ ¹⁾). Въ такомъ-же родѣ высказались и пункты отъ Печерской Лавры ²⁾), шляхетскихъ правъ требуютъ духовенству и составители черниговскихъ пунктовъ ³⁾). Такимъ образомъ, все малороссійское духовенство единогласно утверждаетъ, что оно въ правовомъ отношеніи находится въ равенствѣ съ чиновнымъ шляхетствомъ. Основаніе такому порядку вещей находится въ привилегіи Сигизмунда Августа отъ 1569 года и въ Литовскомъ Статутѣ, по которому узаконено: „духовнымъ и ихъ женамъ и дѣтямъ за поголовщину, за безчестіе и за увѣче платить такъ, какъ и свѣтскимъ шляхетнаго чина людямъ“ ⁴⁾). Это правовое положеніе малороссійскаго духовенства подтверждено и московскимъ правительствомъ въ жалованной царской грамотѣ на просительныя статьи Богдана Хмельницкаго ⁵⁾).

Заявивши о своихъ шляхетскихъ правахъ и не считая, очевидно, ссылки на древнія права и привилегіи достаточными въ глазахъ правительства, духовенство даѣе указываетъ, что оно, независимо отъ привилегій, должно пользоваться правами шляхетскими и по самому существу своего чина и исполняемыхъ имъ обязанностей. Ихъ обязанности настолько высоки и священны, что исполнители ихъ не могутъ занимать послѣдняго мѣста въ государствѣ и быть сравниваемы „съ худородными, не имѣющими никакого званія, и съ посполитыми“, такъ какъ „службы свои они по званію своему, какъ всякъ явно и чинъ и дѣло ихъ видѣть можетъ, не какъ мужики, но какъ шляхетство и вѣрноприсяжные Ея Императорскому Величеству отпращиваютъ“ ⁶⁾). Ихъ обязанности состоятъ: въ священнослуженіи

¹⁾ Тамъ же, ст. 576.

²⁾ Тамъ же, ст. 587.

³⁾ Тамъ же, ст. 572.

⁴⁾ Сбор. И. Р. И. О., т. 43, стр. 435.

⁵⁾ Тамъ же.

⁶⁾ Сбор., т. 43, ст. 435.

и моленіи о Высочайшей фамилии, о начальствѣ и о всемъ обществѣ, въ отправленіи указныхъ церковныхъ церемоній, обрядовъ и требъ народныхъ, „кои благосостоянію отечества полезны“, въ проповѣданіи слова Божія и въ наученіи народа Богопознанію и истинному законохраненію, въ отправленіи протопопами и намѣстниками государственныхъ и судебныхъ дѣлъ „равно съ другими урядами“ ¹⁾). Указанныя обязанности духовныхъ лицъ, которыя требуютъ „вѣжества, подвиговъ и неудобноносимыхъ трудовъ временно и безвременно во многихъ приключеніяхъ и безгодіяхъ“, и „самый характеръ священническій должны считаться въ такой примѣръ, каковымъ и мірскаго званія шляхетство и чиновники службы свои не вси военно, но различно, по различію чиновъ своихъ и по званію, отправляютъ; всѣ же ихъ должности считаются не иначе, какъ службою, и никто за различіе и неравенство должностей съ равенства шляхетскаго не исключается“ ²⁾). Въ силу этого равенства въ отправленіи служебныхъ обязанностей „съ свѣтскими чиновными шляхетнаго чина людьми“, малороссійское духовенство и пользуется „всѣми шляхетскими свободами, вольностями и обычаями, правами и привилегіями“ ³⁾).

Указавъ на тѣ права, какими пользуется малороссійское духовенство, оно высказываетъ желаніе, чтобы оно „и нынѣ при сочиненіи Новаго Уложенія въ то же шляхетство было бѣ утверждено и шляхетскимъ правомъ и тѣми же выгодами пользовалось“ ⁴⁾).

Въ такомъ видѣ представляютъ пункты правовое положеніе малороссійскаго духовенства. Дѣйствительно, это положеніе малороссійскаго духовенства юридически признавалось

¹⁾ Сбор., стр. 435, 594.

²⁾ Сбор., ст. 435.

³⁾ Тамъ же.

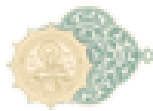
⁴⁾ Сб. И. Р. И. О., т. 43, ст. 576, 436, 572, 587.

за нимъ. Комиссія, дѣйствовавшая въ Малороссіи въ 30-хъ и 40-хъ годахъ XVIII вѣка по дѣлу кодификаціи малороссійскаго права, разсуждая о томъ, какихъ лицъ надо разумѣть подъ именемъ шляхты, упоминаемой во многихъ раздѣлахъ и артикулахъ Статута „съ особливимъ противъ другого званія людей преимуществомъ и отмѣнностію“, въ перечнѣ лицъ, принадлежащихъ къ шляхетскому званію, ставитъ, между прочимъ, и лицъ духовнаго званія: „духовнаго чина персони, такожъ-де бѣлие священники и диаконы съ своими потомками, по посвященіи ихъ рожденными“ ¹⁾. Равнымъ образомъ, не высказывается въ своихъ наказахъ въ ту же екатерининскую комиссію противъ присвоенія духовенству правъ шляхетскаго званія и само шляхетство, болѣе другихъ заинтересованное въ этомъ дѣлѣ ²⁾.

Что же касается до проводимой малороссійскимъ духовенствомъ идеи о соотвѣтствіи правъ съ несомой въ пользу государства службой, то въ этомъ нельзя не видѣть много вѣрнаго для Малороссіи XVIII вѣка. На это же самое соотвѣтствіе ссылались въ своихъ наказахъ и само шляхетство, какъ на доказательство своихъ шляхетскихъ правъ. Въ наказахъ Гадячскаго, Полтавскаго и Миргородскаго шляхетства указывалось, что въ Малороссіи большая часть шляхетства узнается не по родословнымъ документамъ, а по другимъ признакамъ и, между прочимъ, по службѣ въ военныхъ, гражданскихъ и земскихъ чинахъ, ибо на эти должности могли выбираться только лица изъ знатнаго шляхетства. Указываемый порядокъ вещей имѣлъ свое приложеніе до половины XVII вѣка, до присоединенія Малороссіи къ Россіи, когда старшина, т. е. государственный чиновникъ, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и шляхтичемъ, но не шляхетство давалось

¹⁾ Кистяковский. Права, по которымъ судится малороссійскій народъ, стр. 835.

²⁾ См. наказы малороссійскимъ депутатамъ, Киевская Старина за 1888 г.

службой, а, наоборотъ, служба составляла только право лицъ шляхетскаго званія. Но съ измѣненіемъ соціальныхъ отношеній въ Малороссіи, произведенныхъ казацкими войнами и возсоединеніемъ съ Россіей, измѣнились многіе порядки, завелся новый строй, появились новые обычаи. Преній польско-шляхетскій строй жизни былъ разрушенъ и на его развалинахъ возникла совсѣмъ другая, казацкая жизнь. На уряды казаки стали избирать своихъ казацкихъ начальниковъ, старшинъ, которые и сосредоточили въ своихъ рукахъ власть гражданскаго и воинскаго управленія. Затѣмъ далѣе, благодаря личнымъ заслугамъ, талантамъ и способностямъ, изъ рядовъ простого казачества волной историческихъ событій стали выдвигаться извѣстные роды, въ которыхъ старшинская власть стала сосредоточиваться по преимуществу. Такимъ образомъ, въ Малороссіи образовалось довольно много старшинскихъ родовъ, всплывшихъ, такъ сказать, на поверхность изъ рядовъ простого качества и достигшихъ исполнѣ положенія „шляхетскаго стану людей, хотя у этого шляхетства не было никакихъ документовъ о своемъ званіи, кромѣ голаго факта—привилегированнаго положенія и пользованія шляхетскими правами ¹⁾. Такимъ образомъ, малороссійское духовенство основывало свое равенство съ „чиновными шляхетнаго чина людьми“ на своей службѣ, оно не видѣло различія между собою и шляхетствомъ въ служебномъ отношеніи, въ несеніи служебныхъ обязанностей на пользу государства. А если само шляхетство пользуется своими правами за свою или своихъ предковъ воинскую и гражданскую службу, то и духовенство желало пользоваться тѣми же шляхетскими правами за свою службу на благо того же государства. Желаніе малороссійскаго духовенства пользоваться всею совокупностію шляхетскихъ правъ можно

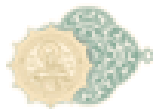
¹⁾ Теличенко. Сословія нужды и желанія малороссіянъ въ эпоху екатерининской комиссіи. (Кіевская Старина. 1890 г., сентябрь, ст. 394—395).

объяснить незамкнутостью духовнаго сословія въ Малороссіи: ряды его постоянно пополнялись лицами изъ другихъ сословій, и, наоборотъ, дѣти духовенства весьма часто уходили въ военную и гражданскую службу¹⁾. При такомъ порядкѣ вещей духовенство не отличалось въ отношеніи политическихъ и имущественныхъ правъ отъ другихъ свободныхъ сословій, его экономическій и соціальныи укладъ жизни былъ построенъ такъ же, какъ и шляхетства, за исключеніемъ небольшихъ особенностей, сообщаемыхъ самымъ характеромъ духовной службы.

Хотя юридически малороссійское духовенство въ правовомъ отношеніи занимало положеніе, равное положенію шляхетства, а, равнымъ образомъ, такое положеніе принадлежало ему по его общественному, соціальному значенію, однако на практикѣ оно далеко не осуществляло своихъ правъ. Жизнь постоянно представляла ему ограниченіе и нарушеніе его правъ. Духовенство всюду жалуется на униженіе въ государствѣ положенія духовнаго сословія. „Предъ недавнимъ временемъ, говорятъ составители кіевскихъ пунктовъ, начало входить Малороссійскимъ духовнаго чина людямъ такое уничиженіе, что уже какъ характеръ священнической, такъ и вся ихъ служба, ни во что вмѣняется, и не только многіе отъ многихъ всякія наруганія и озлобленія претерпѣваютъ, но и въ дѣлахъ они такъ, какъ бы ни въ какой службѣ способными вмѣняются, пуще мужиковъ и пуще самыхъ раскольниковъ, и оныхъ своихъ равныхъ съ свѣтскими чиновными шляхетнаго чина людьми бывшихъ свободъ, вольностей и обычаевъ, правъ и привилегій, къ ненарушиму содержанію утвержденныхъ лишаются“²⁾. То „уничтоженіе“, на которое жалуется малороссійское духовенство, происходило не столько въ силу законовъ и указовъ, огра-

¹⁾ Сб. И. Р. И. О., т. 43, ст. 436, 577.

²⁾ Сб. И. Р. И. О., т. 43, стр. 436.

ничивавшихъ права духовенства, сколько въ силу самой жизни, въ силу особыхъ условій жизни, дававшихъ возможность нарушенія его правъ. Прежній литовско-польскій строй жизни въ Малороссіи къ половинѣ XVIII вѣка пришелъ въ полное разстройство, прежніе порядки и обычаи были въ сильной степени расшатаны, недостатки въ общественной организаціи обращали уже на себя вниманіе правительства. Разложеніе общественнаго строя въ Малороссіи отразилось неблагоприятно и на положеніи духовенства. Последнее жалуется, что оно всюду, въ области правъ личныхъ, имущественныхъ, гражданскихъ, лишается своихъ „бывшихъ свободъ, вольностей и обычаевъ, правъ и привилегій“. Пункты, такимъ образомъ, затронули многія стороны въ жизни духовенства и предстали картину, яркими красками рисующую печальное положеніе духовенства.

І. Личныя права духовенства.

Въ области правъ личныхъ главное мѣсто въ пунктахъ занимаетъ вопросъ о чести духовныхъ лицъ и огражденіи ихъ отъ разнаго рода безчестій и оскорбленій. Этотъ вопросъ наиболѣе интересуетъ духовенство, такъ какъ ему здѣсь весьма часто приходилось терпѣть нарушенія своихъ правъ. По дѣйствовавшему малороссійскому праву за оскорбленіе священно-служителей полагалось такое же наказаніе, какъ за безчестіе „свѣтскимъ шляхетнымъ людемъ“, т. е. виновный платилъ штрафъ, какой полагалось платить шляхетчичу¹⁾. Это опредѣленіе неоднократно затѣмъ подтверждалось гетманскими универсалами²⁾. Этими универсалами

¹⁾ Сб. И. Р. И. О., т. 43, стр. 435.

²⁾ Тамъ же, стр. 546. Пункты указываютъ на универсалы Богдана Хмельницкаго отъ 1649 и 1651 г., Юрія Хмельницкаго отъ 1661 г. и Іованна Брюховецкаго отъ 1661 года.

опредѣлялось: „еслии кто изъ казаковъ и изъ своевольниковъ кто духовныхъ отцевъ своихъ, священниковъ и чернцевъ, словомъ безчестить и монастырямъ обиды будетъ дѣлать, таковыхъ продержателей за то строго смертію казнить“¹⁾, т. е. указывалось наказаніе гораздо болѣе строгое, чѣмъ наказаніе по Статуту.

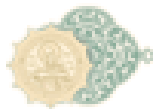
Не смотря на строгія постановленія, ограждавшія духовенство отъ безчестія, оно, въ дѣйствительности, не было гарантировано отъ всевозможныхъ безчестій и оскорбленій. „Ныльшнихъ временъ, жалуется духовенство, духовныхъ своихъ отцевъ, священниковъ такожъ монаховъ, свѣтскіе не токмо словомъ безчестятъ и ругаютъ, но и бои безчеловѣчныя и всякія обиды приключаютъ и церковныя и монастырскія имѣнія насильно отнимаютъ и завлаживаютъ“²⁾, не только никакого къ духовенству почтенія не имѣютъ, но и всякими язвительными словами отъ единой злобы, которая, не вмѣщаяся въ сердцѣ, на языкъ изливается, духовныхъ въ лицо ругаютъ, часто бьютъ, а временемъ и до смерти безчеловѣчными мучительствомъ убиваютъ“³⁾. Авторы пунктовъ яркими красками изображаютъ упадокъ уваженія къ духовнымъ лицамъ, ихъ униженность не только предъ свѣтскими старшинами, но и предъ простыми казаками. Духовенству много приходится терпѣть отъ свѣтской старшины и владѣльцевъ. Нѣкоторые изъ послѣднихъ дошли до такой дерзости, что сами назначали время той или иной службы, принуждая, на примѣръ, „священниковъ божественную литургію безвременно зачинать и спѣшить, или ожидать ихъ съ литургіею по то время, пока они прикажутъ звонить, когда имъ угодное дня время покажется“, такъ что литургія иногда была отпразднана пополудни⁴⁾. Отказъ священника исполнять незакон-

¹⁾ Сб., т. 43, стр. 546.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Сб., стр. 564.

⁴⁾ Сб., стр. 449, 571.

ныя требованія владѣльцевъ влечетъ за собою негодованіе и месть со стороны послѣднихъ: они, по выраженію пунктовъ, „негодуютъ и сыскаютъ къ отмщенію причины“¹⁾. Наблюдались и такія печальныя явленія: дерзость владѣльцевъ доходила до того, „что нѣкоторые изъ нихъ, по изображенію пунктовъ, сами собою церкви заключаютъ своими замками и священниковъ не допускаютъ къ священнослуженію, а нѣкоторые сами жъ собою отъ священниковъ церковныя ключи къ себѣ забираютъ и священниковъ къ церквамъ и къ священнослуженію въ нихъ не допускаютъ и отъ приходовъ отрѣшаютъ и другія наглости и обиды причиняютъ; да въ обычай еще вошло, что владѣльцы приходскимъ священникамъ своихъ селъ и деревень приказываютъ приходить къ нимъ по литургіи съ просфорою неотложно“²⁾.

Упадокъ уваженія къ духовнымъ лицамъ со стороны владѣльцевъ и свѣтской старшины влечетъ за собою потерю уваженія и со стороны прихожанъ, простого народа. Видя такое обращеніе со священнослужителями мѣстныхъ властей и владѣльцевъ, „прихожане священниковъ разнo обижаютъ“, собираясь громадами, особенно пьяные, принуждаютъ къ исправленію требъ³⁾. Особенно эти случаи насилія замѣчались при совершеніи вѣнчанія. Послѣ огмѣны вѣнечныхъ памятей, прихожане, „мечтая съ того, что дозволено безквитно вѣнчать, поступаютъ съ священниками нагло, понуждая вѣнчать безсрабочно, и неосмотрительно и притомъ легко-вѣрныхъ священниковъ всякимъ образомъ обманываютъ, а иные и нехотящихъ священниковъ продерзостно къ тому насилуютъ“⁴⁾. Своевольное малороссійское казачество „гвалтовно находитъ на дома“ духовенства, особливо монаше-

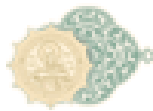
ствующаго, грабитъ хозяйское добро, нерѣдко оканчивая свои разбойничьи экскурсіи убійствомъ самихъ хозяевъ, „чему многіе нынѣ виды на самомъ дѣлѣ оказались“ ¹⁾. Упадокъ „надлежащаго почитанія“ духовныхъ особъ остается безъ „всякаго священническаго удовольствованія“. Духовенство не могло найти защиты своихъ правъ и въ судѣ. Всѣ ихъ требованія и предъявленія остаются безъ удовлетворенія „за понаровою судящихъ и самимъ тому дѣлу согласнымъ“ ²⁾. Поэтому, духовенство и просило, чтобы, для огражденія духовнаго чина людей отъ обидъ, „для пресѣченія душевредныхъ и соблазнительныхъ сея продерзости, предписать ругателямъ такимъ наистрожайшіе законы и по законамъ штрафы“ ³⁾.

Печальное положеніе духовенства, такъ ярко изображенное въ пунктахъ, можно сказать, не преувеличено. При томъ устройствѣ администраціи, какое было въ Малороссіи, и при томъ безправіи, какое царило въ этой администраціи, надъ духовенствомъ почти неограниченно господствовали гетманъ, полковники и другіе полковые чины, не признававшіе надъ собой духовной власти. Гетманъ, полковники и сотники—эти три чина были главными властителями въ Малороссіи, имѣвшими почти неограниченное вліяніе на подначальный народъ, который другихъ властей, кромѣ нихъ, не зналъ, такъ какъ другіе чиновники непосредственнаго вліянія на народъ не имѣли. Сила этихъ трехъ чиновъ была такова, что каждый изъ нихъ видѣлъ въ себѣ перваго пана въ своемъ округѣ, всѣ они и народу представлялись не иначе, какъ панами, потому что они дѣйствительно пановали, т. е. господствовали надъ населеніемъ своего округа. При такой

¹⁾ Сборн., ст. 595 Пункты указываютъ на случай смертнаго насилія надъ іеромонахомъ Геронимомъ, изъ села Евмины, убитымъ казаками Остерской сотни.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Сборн.. стр. 564, 450, 517.

власти войсковой старшины, господствовавшей почти неограниченно надъ населеніемъ, положеніе личности священнослужителя было крайне тяжелое. Въ особенности тяжело было положеніе приходского духовенства. Не говоря уже о высшей, даже низшая войсковая старшина—сотники, а вмѣстѣ съ ними бурмистры, войты держали въ полной зависимости городскіе и сельскіе приходы, по ихъ вліянію на прихожанъ. Эта зависимость духовенства отъ мѣстныхъ властей налагала тяжелые оковы на нравственное положеніе священника. Въ результатѣ получалась тяжелая картина униженій, съ одной стороны, и грубаго самоуправства, произвола и безконечныхъ нахальныхъ претензій—съ другой. Брань духовныхъ лицъ различными „непристойными словами“, битье „кіями и канчуками“ „пханье въ шею“, сажаніе въ наказанье въ колокольню—были обычными обнаруженіями помѣщичьяго произвола надъ лицами духовнаго званія. Священникъ былъ почти неофициальнымъ холономъ, крѣпостнымъ владѣльца, являлся къ нему, какъ „своему милостивому пану“, „съ поклономъ“, долженъ былъ давать взятки, подарки. Противъ самоуправства мѣстныхъ властей духовенство нигдѣ не могло найти себѣ защиты. Дѣла, по жалобамъ духовенства, обыкновенно передавались консисторіей въ казацкіе суды, а оттуда они еще болѣе вызывали бѣдъ на жалобщиковъ за посрамленіе „казацкой чести“, и дѣло обыкновенно оканчивалось тѣмъ, что принесшій жалобу униженно явится къ „милостивому пану“, торжественно „перепросить“ его и прекратить дѣло ¹⁾. Епархіальной власти, отстаивающей права духовенства, весьма часто приходилось сталкиваться съ свѣтскими начальниками.

¹⁾ Крыжановскій. Очерки изъ быта малороссійскаго сельскаго духовенства въ XVIII вѣкѣ. Руководство для сел. паст. 1864 г., т. II, ст. 503—504. Лазаревскій. Очерки изъ быта Малороссіи XVIII вѣка. Русскій Архивъ 1841 годъ № XI, стр. 1881—1893; 1873 г. № 3, стр. 342—343. Соловьевъ. Истор. Россія, т. XIX, прилож., стр. 391—392.

Но заступничество епархіальной власти мало имѣло успѣха. Власть эта была безсильна прекратить злоупотребленія. Мало помогали и жалобы гетману на казацкую старшину. Гетманъ и самъ вмѣшивался въ дѣла духовенства и находилъ лучше держаться на сторонѣ казацкой старшины, а иногда и не могъ, по своему безсилію, обуздать своеволіе старшины и тѣмъ удовлетворить просьбамъ духовенства.

II. Имущественныя права духовенства.

Наиболѣе пункты удѣляютъ вниманія вопросамъ экономическимъ, такъ какъ здѣсь болѣе всего малороссійскому духовенству приходилось испытывать ограниченіе и нарушеніе своихъ правъ. На первомъ мѣстѣ здѣсь стоитъ вопросъ о правѣ владѣнія духовенствомъ недвижимыми имѣніями. Вопросъ этотъ, по дѣйствующему малороссійскому праву, рѣшался въ томъ смыслѣ, что „малороссійскія права¹⁾ такъ шляхетнаго чина народу, яко и вольнымъ людямъ, дозволяютъ всякому движимыя и недвижимыя, кто что имѣетъ: отеческія, материнскія и выслуженныя и всякимъ образомъ пріобрѣтенныя и называемыя имѣнія, маестности, земли съ людьми, частями или совѣмъ, по потребѣ и волѣ своей каждому, хотя въ нѣжность, отдать, продать, даровать, замѣнять и на церковь Божию, такожь какъ духовнымъ, такъ и свѣтскимъ особамъ, записать и въ долгъ и въ суммахъ завести“²⁾. Въ силу этого права „духовнаго чина люди, считаясь въ шляхетствѣ и пользуясь всѣми шляхетскими свободами, имѣли вольность и свободу покупать, а особливо въ поминовленіе принимать казачіи и прочіи грунты, земли и другія угоды“³⁾. Затѣмъ,

¹⁾ Пункты дѣлають ссылки на Статутъ: раздѣлъ III, артикулъ 41, разд. VII, арт. 1, разд. VIII, арт. 2 и 3.

²⁾ Сборникъ И. Р. И. О., т. 43, стр. 477, 439.

³⁾ Сборн., стр. 436, 576, 594, 569.

въ „силу тѣхъ же правъ какъ вольные, такъ шляхетнаго чина и казачьяго званія, люди, собственныя свои земли, грунты и другіе угодія, по волѣ своей обрѣтающихся въ Малой Россіи монастырей на церкви въ поминаненіе вкладомъ давали и записывали и по потребѣ своей монастырямъ продавали, и монастыри таковыя имѣнія на церкви вкладомъ принимать вольность имѣли“¹⁾. Такимъ образомъ, дѣйствовавшимъ малороссійскимъ законодательствомъ признавалось право владѣнія недвижимымъ имуществомъ какъ за самимъ духовенствомъ (бѣлымъ), такъ и за церквами и монастырями.

Такой порядокъ вещей продолжался до „приснопамятнаго“ малороссійскому духовенству 1728 года, когда, по представленію гетмана Даніила Апостола, послѣдовалъ Высочайшій указъ, которымъ запрещалось духовенству, а равнымъ образомъ церквамъ и монастырямъ, приобрѣтеніе чрезъ „покупку и надачу на поминаненіе казачьихъ земель, грунтовъ и другихъ угодій“²⁾. По мѣрѣ обособленія въ Малороссіи крупнаго старшинскаго землевладѣнія, съ одной стороны, и обезземеленнаго посольства, съ другой, положеніе мелкихъ землевладѣльцевъ-казаковъ было крайне опаснымъ въ смыслѣ ихъ гражданской свободы и устойчивости ихъ земельной собственности отъ натиска болѣе крупныхъ и вліятельныхъ старшинъ — землевладѣльцевъ. Чтобы воспрепятствовать умаленію числа казаковъ, вызываемому продажей грунтовъ, русское правительство стремилось ограничить эти продажи, и въ этомъ смыслѣ были изданы указы, запрещавшіе скуплю у казаковъ грунты и земли³⁾, такъ какъ казаковъ желательно было сохранить для военныхъ надобностей. Къ числу такихъ ограничительныхъ указовъ долженъ

¹⁾ Сборн., стр. 477, 594

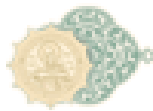
²⁾ Сборн., стр. 437, 477, 569, 576, 594

³⁾ Сборн., стр. 437.

быть отнесенъ и указъ 1728 года. Означенный указъ, направленный противъ обезземеленія малороссійскаго казачества, надо признать однимъ изъ неудачныхъ указовъ, нарушавшимъ общественное равновѣсіе и повлекшимъ за собою упадокъ матеріальнаго благосостоянія духовенства, на счетъ котораго стали наживаться помѣщики и мѣстные власти. Не говоря уже о томъ, что этотъ указъ не былъ справедливымъ, такъ какъ переходъ земель духовенства изъ его рукъ въ руки другихъ сословій былъ оставленъ въ прежней силѣ, и, слѣдовательно, земли духовенства, умаляясь путемъ продажи, отдачи въ даръ и пр., не увеличивались, онъ былъ направленъ не туда, куда слѣдуетъ. Духовенство совершенно правильно разсуждало, что „свобода и вольность“, какою пользовалось оно при покупкѣ казачьихъ земель и угодій, не нарушала общественнаго равновѣсія, такъ какъ „чрезъ то не скупля и умаленіе грунтовъ, но единое какъ въ казачьихъ, такъ и въ священническихъ наипаче грунтахъ взаимство происходило“ ¹⁾. При незамкнутости духовнаго сословія въ Малороссіи, земли не могли сосредоточиться въ рукахъ духовенства, такъ какъ, замѣчаютъ пункты, „дѣти священническіе не всѣ жребіи священства получаютъ, но множайшіе изъ нихъ отходятъ въ казачіи и другія званія и военную казачію, штатскую и регулярную отправляютъ службы, наслѣдствуя родителей своихъ священническія имѣнія; да и дочери священническія въ замужество всякаго званія за людей, а большимъ числомъ за дѣтей казачьяго званія выдаются, и иныя какъ движимымъ, такъ и недвижимымъ священническимъ имѣніемъ вывѣниваются, и чрезъ то многіе съ подъ владѣній священническихъ подъ казачія и другихъ званій владѣнія грунты отходили и отходятъ“ ²⁾.

¹⁾ Сб. 436.

²⁾ Сборн., стр. 436, 577.

Настоящая причина нищенства и разоренія казаковъ шла извнутри—отъ разложенія казачьей среды на старшинскую аристократію или шляхетство и простое казачество. Чѣмъ выше поднималась по соціальной лѣстницѣ казачья старшина, тѣмъ сильнѣе забывала она дѣйствительные интересы казачества и чѣмъ дальше оттѣсняла его къ посполству, лишая его грунтовъ и маестностей, доводя тѣмъ до разоренія и привлекая къ себѣ въ подданство ¹⁾. „Поэтому, разсуждало духовенство, ежели грунтовъ продажу по какой надобности надлежало удержать, то оное удержаніе ближайше слѣдовало до мірскихъ владѣльцевъ и чиновниковъ, нежели до священниковъ“ ²⁾.

А между тѣмъ ограниченіе въ пріобрѣтеніи земельныхъ угодій имѣло весьма печальныя послѣдствія для духовенства. Упомянутый указъ поставилъ малороссійское духовенство въ тяжелое экономическое положеніе, особенно это надо сказать о бѣломъ духовенствѣ. Если земля въ Малороссіи, какъ странѣ по преимуществу земледѣльческой, представляла главное средство содержанія, то указанное ограниченіе являлось для духовенства весьма невыгоднымъ. Духовенство жаловалось, что, благодаря этому указу, „принуждены многіе такъ оскудѣть, что и въ дневномъ пропитаніи содержать себе не въ состояніи“ ³⁾; священники, „не имѣющіе тамо, куда въ священники производятся, своей наслѣдственной осѣдности, за неимѣніемъ ни церковныхъ, ни въ ругу опредѣленныхъ къ поселенію домовъ земель, а купли за запрещеніемъ, такъ бѣдственно многіе живутъ, что не токмо для прокормленія своего гдѣ хлѣба пахать, но и собственной избы къ прожитію своему гдѣ построить, новся не имѣютъ; но затѣмъ принуждены бывають по на-

¹⁾ Теличенко. Киевская Старина 1891 г., февраль, стр. 238—239.

²⁾ Сбор., стр. 437.

³⁾ Сборн., ст. 569.

емнымъ чужимъ домамъ скитаться и всякія невзгоды и нужды, вмѣстѣ съ хозяевами проживая, претерпѣвать“¹⁾. Особенно тяжело приходилось священническимъ вдовамъ и сиротамъ, оставшимся, по смерти мужей и отцевъ, безъ земли и средствъ къ существованію. „Сыны (священниковъ), не получа себѣ по разнымъ случаямъ священническихъ чиновъ и не имѣя за собою наслѣдныхъ и никакихъ грунтовъ, въ такомъ бѣдственномъ состояніи находятся, что не точію въ школахъ по силѣ указовъ обучаться по убожеству своему чѣмъ не имѣютъ, но, пришедши и въ возрастъ, службы Ея Императорскому Величеству по должности своей отправлять крайне не въ состояніи. А жены ихъ, умершихъ священниковъ, и женска полу дѣти и на дневное пропитаніе крайне скудны бываютъ“²⁾. Мало того, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ за неимѣніемъ церковныхъ земель священнослужители селятся своимъ коштомъ на владѣльческой землѣ, по смерти ихъ, владѣльцы „вдовствующихъ женъ священническихъ и осиротѣлыхъ дѣтей прочь съ своихъ маестностей выгонять, или въ подданство себѣ привлекаютъ“, лишая ихъ не только домовъ—ихъ послѣдняго пристанища, но и шляхетскихъ правъ, какими онѣ должны пользоваться³⁾. Ограниченіе въ правѣ пріобрѣтенія грунтовъ имѣло еще ту невыгодную сторону, что оно ставило духовенство въ зависимость отъ богатыхъ пановъ, старшины, вообще замлевладѣльцевъ, удѣлявшихъ духовенству отъ своихъ щедротъ пользованіе земельными участками.

Упадокъ матеріальнаго положенія духовенства вредно отражается, по изъясненію послѣдняго, и на церкви, такъ какъ она лишается просвѣщенныхъ священниковъ, достойныхъ и искусныхъ проповѣдниковъ, добрыхъ пастырей,

¹⁾ Сбора. 437—438, 569.

²⁾ Сб., стр. 438.

³⁾ Сб., стр. 443

способныхъ словомъ и своею жизнію подавать спасительные примѣры наставлѣ. „Священническія, разсуждають составители кievскихъ пунктовъ, и другихъ разночинцевъ дѣти, въ школахъ ученіе совершившія, смотря и предрассуждая состояніе и бѣдствіе священническое, отходятъ въ иныя званія; вмѣсто же ихъ ставятся въ священство развѣ тѣ, кои не предвидятъ священническихъ утѣшеній и бѣдъ, или кои не имѣють способа другихъ себѣ сыскать званій“. Все это велеть къ тому, что „за таковыми священству нуждами мало кто изъ учительныхъ въ священномъ чинѣ быть желаетъ, чрезъ то не могутъ быть при всѣхъ церквахъ священники, способные поученіями просвѣщать простой народъ и своимъ образомъ житія примѣръ подавать поучаемому народу въ вѣрѣ спасительной, отъ которой истекаетъ все благонравіе и доброе согражданство“ ¹⁾. Все это вредно отражается на сознаніи священнослужителями важности исполняемаго ими долга. Пастырями народными являлись люди худородные и малограмотные, и ихъ жизнь не могла производить благотворнаго вліянія на прихожанъ. А отсюда, замѣчаютъ пункты, и самая „служба священническая противъ воинской и шляхетной въ пониженіи видится“ ²⁾.

Что же касается до монастырей, то и они были также недовольны указомъ 1728 года. Они жалуются, что „черезъ то какъ церкви Божіи, такъ и монастыри время отъ времени въ оскудѣніе приходятъ“ ³⁾. Земля въ Малороссіи составляла главный источникъ народнаго богатства, поэтому она, по преимуществу, служила предметомъ благотворенія благочестивыхъ жертвователей. Отсюда понятно, что притокъ пожертвованій въ монастыри значительно сократился вслѣдствіе запрещенія принимать монастырямъ пожертвованія землею.

¹⁾ Сб. стр. 438.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Сб. стр. 478.

„Чтобъ же, говорятъ пункты отъ Кіево-Межигорскаго монастыря, кто деньгами на монастырь или церковь что далъ, такихъ и сыскати рѣдко, да и вовсе не можно. Многіе же желаютъ давать грунта или какія другія угодія на поминованіе по неимѣнію денегъ, чего ежели, по нынѣшнему запрещенію, отъ нихъ принимать не можно будетъ, то церкви могутъ оставаться безъ должныхъ имъ къ отправленію божественной литургіи и другаго церковнаго пѣнія потребностей, за неимѣніемъ никакихъ денежныхъ въ кружку приходовъ, съ чего бѣ исправлять можно“. Недостатокъ пожертвованій деньгами могли замѣнить пожертвованія земельными угодіями, грунтами: „съ такихъ грунтовъ можно имѣть какую-нибудь прибыль для содержанія церкви“ ¹⁾.

Къ такимъ печальнымъ результатамъ привелъ указъ 1728 года, запрещавшій духовенству пріобрѣтеніе земельныхъ угодій. Духовенство было очень недовольно этимъ указомъ, поэтому вскорѣ же послѣ смерти Даніила Апостола, въ 1735 году оно подало императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ просьбу, за подписью трехъ архіереевъ—кіевского, черниговскаго и переяславскаго, объ отмѣнѣ его. Но императрица строго отнеслась къ этому ходатайству и приказала правителю Малороссіи князю Шаховскому сдѣлать пристойный выговоръ, дабы они „впредь въ прошеніяхъ своихъ такихъ грубыхъ и предосудительныхъ словъ отнюдь не включали“ ²⁾. Несмотря на неблагоклонное отношеніе правительства къ духовенству, послѣднее надѣялось на благопріятный оборотъ дѣла и просило теперь объ отмѣнѣ указа 1727 года ³⁾. Какъ на юридическое основаніе своей просьбы, духовенство указывало на то обстоятельство, что грамотами императрицы Елизаветы Петровны 1749 года, о избраніи гетмана въ

¹⁾ Сб. стр. 595.

²⁾ Соловьевъ. Ист. Рос. т. XX, ст. 320.

³⁾ Сб. стр. 440, 479, 577. 595.

Малой Россіи, и 1751 года, при утвержденіи Разумовскаго малороссійскимъ гетманомъ, подтверждены „малороссійскому народу всѣ вольности, права и привилегіи“, слѣдовательно „оныя 1728 года рѣшительные пункты, запрещающіе священству земель, грунтовъ и другихъ угодій покупать и на поминовеніе священству и вкладомъ на церкви давать, не стали быть въ своей силѣ“¹⁾).

Помимо ходатайства объ отмѣнѣ указа 1728 года монашествующее духовенство хлопотало объ утвержденіи за монастырями права владѣнія недвижимыми имѣніями. Дѣло въ томъ, что монастыри въ 60-хъ годахъ XVIII в. переживали тяжелый экономическій кризисъ. Вопросъ о монастырскихъ имѣніяхъ въ 1764 году получилъ свое окончательное рѣшеніе: императрица утвердила докладъ комиссіи о церковныхъ имѣніяхъ, высказавшейся въ пользу отобранія монастырскихъ имѣній. Исключеніе было сдѣлано только на время для Молороссіи и южныхъ губерній, такъ что вопросъ о секуляризаціи церковныхъ имѣній въ Малороссіи былъ лишь вопросомъ времени. Уже въ 1766 году, не задолго до составленія пунктовъ, Синодъ получилъ отъ своего Оберъ-прокурора Мелессина предложеніе принять за „долгъ просить ея императорское величество, дабы она ту же свою матернюю щедроту излила и на духовный въ Малороссіи живущій чинъ“²⁾). Зная о предстоящей секуляризаціи церковныхъ имѣній, малороссійское монашествующее духовенство тѣмъ болѣе и усерднѣе просило императрицу о сохраненіи за нимъ стараго права владѣнія „селами, деревнями, землями пахотными и сѣнокосными, мельницами, озерами, перевозами, рыбными ловлями“³⁾).

¹⁾ Сб. стр. 439, 478.

²⁾ Соловьевъ. Истр. Рос. т. XXVII, стр. 28.

³⁾ Сб. 561, 573. 591.

Правительство указывало и причины, почему оно стремилось къ секуляризації церковныхъ имѣній въ Малороссіи, — это „нестроеніе, происходящее между духовными въ Малой Россіи единственно по причинѣ управленія ими самими имѣніи духовныхъ: епархія съ монастырями, монастыри съ церквами въ безпрестанныхъ и многолѣтнихъ тяжбахъ судовыхъ паходятся; всѣ же духовныя недвижимыя имѣнія съ имѣніями мірскихъ владѣльцевъ нескончаемые процессы ведутъ“¹⁾. Нестроенія въ монастырскомъ землевладѣніи и происходящіе отсюда споры и столкновенія съ сосѣдскими землевладѣльцами, при общемъ состояніи замлевладѣнія въ Малороссіи, были, дѣйствительно, велики, какъ это видно, на примѣръ, изъ того, что „Гамалѣвскаго монастыря архимандритъ Давидъ по одному своему монастырю тяжёбныхъ дѣлъ до 100 объявилъ“²⁾. Авторы пунктовъ сознаютъ эти нестроенія, происходящія въ монастырскомъ землевладѣніи. Мы имѣемъ въ виду жалобы на Печерскую лавру кіевскихъ монастырей, „которыхъ деревнями, землями, грунтами и угодіями Печерская лавра завладѣла и нынѣ насильно отнимаетъ“³⁾. Поэтому, монастыри и просятъ для болѣе точнаго опредѣленія границъ своей собственности „монастырскія земли, дабы впредь о тѣхъ монастырскихъ недвижимостяхъ ссоровъ и тяжёбъ не происходило, обмежевать и, съ оныхъ написавъ чертежи, онымъ монастырямъ за скръпями и печатами межевщиковъ поручить къ владѣнію вѣчно, и каковы церковнымъ имѣніямъ положены будутъ межи и грани, оныя въ нѣсколько лѣтъ осматривать и возобновлять“⁴⁾. При этомъ черниговскіе пункты предлагали, для устраненія на будущее

¹⁾ Солов. Ист. Рос. т. XXVII, стр. 28.

²⁾ Солов. Ист. Рос. т. XXVII, стр. 28.

³⁾ Сб. стр. 488, 489.

⁴⁾ Сб. стр. 562, 489.

время земельных споровъ, признать всѣ обмежеванныя земли не подлежащими оспариванію ни въ какомъ случаѣ, даже въ томъ, „ежелибъ къ тѣмъ монастырскимъ землямъ имѣлъ кто какую претензію и на села, деревни и прочее монастырское недвижимое имѣніе имѣлъ бы у себя старѣе монастырскихъ грамотъ, крѣпостей и другихъ письменныхъ документовъ грамоты и другія крѣпости правильныя“. Споры о такихъ земляхъ должны рѣшаться разъ навсегда самими межевщиками „по однімъ крѣпостямъ, а не судною расправою“, и не подлежать дальнѣйшимъ пересудамъ ¹⁾. „По такомъ обмежеваніи на тѣ вотчины, маестности и всякія угодія, имѣющіяся при монастыряхъ Высочайшія грамоты, королевскія привилегіи, гетманскіе универсалы и другія крѣпости подтвердить и на то подтвердительныя всѣмъ монастырямъ грамоты выдать“ ²⁾. Всѣми этими мѣрами вполне основательно предполагалось освободить монастыри отъ нескончаемыхъ тяжбъ и судебной волокиты и, такимъ образомъ, снять съ нихъ обвиненія въ наклонности къ сутяжничеству, къ заботамъ о мірскихъ попеченіяхъ.

Такимъ образомъ, сущность всѣхъ указанныхъ просьбъ монашествующаго духовенства заключалась въ стремленіи получить подтвердительныя грамоты и крѣпости на владѣемые монастырями земли, оставшіяся во многихъ случаяхъ незакрѣпленными надлежащимъ образомъ за ихъ владѣльцами, а потому допускавшія противъ себя споры и сомнѣнія въ отношеніи добросовѣстности владѣнія. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что вопросъ объ укрѣпленіи за духовенствомъ его земель и угодій занималъ интересы не одного только духовенства. Вопросъ объ укрѣпленіи вообще всякому чину людей его земель и угодій былъ поднять всѣми малороссійскими сословіями въ ихъ наказахъ депутатамъ въ ту же

¹⁾ Сбр. стр. 562.

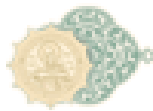
²⁾ Сбр. стр. 489.

екатерининскую комиссію. Съ разрѣшеніемъ его долженъ былъ быть положенъ предѣлъ всѣмъ аграрнымъ затрудненіямъ и спорамъ, возникшимъ на почвѣ чрезвычайно запутанной и темной исторіи малороссійскаго землевладѣнія; съ пожалованіемъ же подтвердительныхъ грамотъ каждый чинъ, каждое сословіе надѣялись, наконецъ, достигнуть положительныхъ и непоколебимыхъ правооснованій своей собственности, когда не будетъ уже мѣста ни спорамъ, ни тяжбамъ различныхъ владѣльцевъ между собой¹⁾. Что же касается, собственно, до просьбъ духовенства объ укрѣпленіи грамотами монастырскаго землевладѣнія, то онѣ были вызваны его характеромъ и имѣли въ виду, какъ было указано, прекращеніе споровъ и безпокойствъ, происходившихъ отъ отсутствія въ весьма большой части формальныхъ документовъ. Во время генеральной описи Малороссіи въ 1729—30-хъ годахъ многіе монастыри не предъявили своихъ документовъ на право владѣнія тѣхъ или иныхъ земель и угодій. Такъ въ одномъ кіевскомъ полку монастыри „крѣпостей не явили, только сказки дали“ на владѣніе около ста селъ и деревень съ количествомъ въ нихъ до 2500 дворовъ²⁾.

Свои земли монастыри получали прежде всего путемъ жалованныхъ грамотъ. Земли, накопленные монастырями при польскомъ владычествѣ, остались за ними. Богданъ Хмельницкій, сдѣлавшись распорядителемъ освобожденной Малороссіи, охотно давалъ монастырямъ утвердительные универсалы на ихъ земли, при чемъ не различалъ кѣмъ и когда даны имъ тѣ имѣнія, затѣмъ, подтверждая старыя имѣнія монастырей, давалъ имъ отъ себя и новыя. Получивъ отъ Хмельницкаго подтвердительные универсалы, монастыри безъ труда

¹⁾ Теличенко. Кіевская Старина 1890 г., IX, стр. 410.

²⁾ „Генеральное слѣдствіе о маѣтностихъ Кіевскаго полка“. Сообщеніе Василенко. Читаніе въ историч. общ. Нестора Лѣтописца. вѣ. VII, ст. 40—43.

получали ихъ затѣмъ и отъ послѣдующихъ гетмановъ. По мнѣнію Лазаревскаго, эти универсалы любопытны въ томъ отношеніи, что они даютъ намъ образецъ того умѣлаго расширенія своихъ земельныхъ владѣній, какимъ славились малороссійскіе монастыри. Замѣчательно, что въ этихъ подтвердительныхъ универсалахъ незамѣтно появляются новыя мѣстности, но не въ видѣ новаго дара, а въ видѣ подтверждаемаго стараго. Кромѣ приобрѣтенія земель пожалованнымъ грамотамъ, монастыри приобрѣтали ихъ путемъ „скупли“ и „займаищны“ („по купчимъ крѣпостямъ урядовымъ и не урядовымъ, такожь и безъ крѣпостей по давности и по займамъ“¹⁾), которыя были главными факторами въ исторіи землевладѣнія въ лѣвобережной Малороссіи. При займѣ свободныхъ земель монастыри сталкивались съ сосѣднимъ населеніемъ и очень часто, занимая эти земли, подчиняли своему началу и сосѣднихъ крестьянъ²⁾). Путемъ указанныхъ способовъ монастыри сдѣлались къ половинѣ XVIII вѣка одними изъ крупнѣйшихъ земельныхъ собственниковъ въ Малороссіи и прославились въ народѣ своею стяжательностію. Эти монастырскія стяжанія возбуждали не мало противъ себя нареканій. Уже въ началѣ XVIII вѣка замѣчаются сомнѣнія въ подлинности монастырскихъ земельныхъ документовъ. Такъ, въ одномъ дѣлѣ, по спору Кіево-Печерской лавры съ Лизогубомъ, одинъ свидѣтель, священникъ Хоминскій, показывая межу, замѣтилъ: „и по какимъ это крѣпостямъ монахи спорятъ за эту землю! Вѣдь всѣ ихъ крѣпости погорѣли. Напрасники эти попривыкали искать по фальшивымъ копіямъ“³⁾). Одними нареканіями дѣло не ограничи-

¹⁾ Сбор. ст. 561.

²⁾ Лазаревскій. Акты по исторіи монастырскаго землевладѣнія въ Малороссіи стр. 1—2.

³⁾ Лазаревскій. Очерки быта Малороссіи XVIII вѣка. Русск. Архивъ 1871 г., № XI, стр. 1895.

валось, монастырскія притязанія нерѣдко возбуждали даже народный протестъ. Этотъ протестъ, выражавшійся въ борьбѣ селъ и городовъ съ монастырями, представляетъ характерную черту въ исторіи землевладѣнія въ Малороссіи вообще и монастырскаго въ частности ¹⁾. Такимъ образомъ, всѣ указанныя средства, какими располагали монастыри для расширенія своихъ владѣній, не могли дать имъ снокойнаго и безспорнаго права собственности на ихъ имѣнія.

Слѣдующею не менѣе важною просьбою въ пунктахъ малороссійскаго духовенства является просьба о цѣлости его имѣній, о защитѣ ихъ отъ всевозможныхъ расхищеній. Малороссійское духовенство не было спокойно за остающіяся у него имѣнія, рискуя постоянно потерять ихъ. Въ этомъ отношеніи само правительство подавало примѣръ любителямъ чужой собственности. Мы имѣемъ въ виду жалобу кіевскаго духовенства на правительственный указъ 1752 года, по которому у него были отпаты безъ всякаго вознагражденія „наслѣдныя и покупныя грунты и угодія“ на той сторонѣ Днѣпра для поселенія войска, называемаго Новосербія (Новороссійская губернія) ²⁾. Больше всего страдало малороссійское духовенство, по преимуществу монашествующее, отъ хищеній простого казачества. Послѣднимъ были выработаны своеобразные приемы, къ которымъ оно прибѣгало въ цѣляхъ наживы на счетъ чужихъ угодій. Такимъ, пожалуй нѣсколько шаблоннымъ приемомъ, былъ и слѣдующій, наиболѣе часто практиковавшійся. „Въ церковныхъ, говорятъ пункты, при монастыряхъ селахъ и деревняхъ находившіеся посполитые люди, подданные монастырскіе, имѣя подъ собой земли и грунты со всякими угодіями, отъ монастырей имъ опредѣленные, многіе въ казачью службу записались, и якіе подъ

¹⁾ См. Лучицкій. Гетманъ Мазепа и остереженія общія земли. Кіевская Старина 1892 г. № I, стр. 110—118.

²⁾ Сб стр. 469

ними были земли, грунты со всякими угодіями, тѣмъ всѣмъ они завладѣли“. Кромѣ того, какъ сами записавшіеся въ казаки, такъ и казаки, живущіе въ церковныхъ деревняхъ, „скупили и поотнимали и другими образами завладѣли церковными землями и грунтами“, а равнымъ образомъ, и сами подданные имъ, въ казачьей службѣ находящимся, тайными образами таковыя: земли и грунты продавали и въ приданое поотдавали и другими сдѣлками позаводили, а позаводивши и сами безвѣстно новыходили“ ¹⁾). Вслѣдствіе указанныхъ продѣлокъ малороссійскаго казачества происходить упадокъ экономическаго положенія монастырей. Благодаря хитрничеству казаковъ, „малое, не противъ прежняго довольства, число осталось во владѣніи монастырскомъ земель и грунтовъ“, такъ что остающимся „подданнымъ монастырскимъ службы подданической и государственныхъ податей отправлять нѣтъ съ чего“. Чрезъ это, а также вслѣдствіе притѣсненій со стороны казаковъ, подданные монастырскіе „порасходились по другихъ свѣтскихъ владѣльцахъ, а иные поуходили за польскую границу“ ²⁾), а монастыри бѣднѣли, упуская изъ своихъ рукъ нсполитыхъ подданныхъ.

Между тѣмъ такой порядокъ былъ нарушеніемъ дѣйствующаго права. По этому послѣднему ³⁾ нсполитые не имѣли права отчуждать занимаемыхъ ими земель безъ воли на то ихъ владѣльцевъ, а равно не имѣли права удерживать за собой земли въ случаѣ поступленія на государственную службу (напримѣръ, въ казаки) или въ случаѣ ухода къ другому владѣльцу, и владѣльцы вольны были „отыскивать и отбирать подъ свое владѣніе всѣ тѣ имѣнія и людей или

¹⁾ Сб. стр. 484, 561.

²⁾ Сб. ст. 484—485.

³⁾ Сб. стр. 484. Пункты дѣлають ссылки на Статутъ—III раздѣлъ 26, 30 арт., VIII разд. 9 арт., IX разд. 27 арт., X разд. 6 арт.

грунты, которые безъ вѣдома и воли владѣльцевъ были кому-либо проданы „или инымъ какимъ образомъ заведены“. Ссылаясь на эти законоположенія, монастыри просили всѣ церковныя и монастырскія земли, которыми владѣютъ бывшіе подданные, обратившіеся въ казаковъ, безденежно возвратить церквамъ и монастырямъ, а самихъ казаковъ попрежнему обратить въ подданныхъ или вывести ихъ изъ церковныхъ и монастырскихъ деревень. гдѣ почему-либо въ подданныхъ ихъ обратить нельзя, чтобы впредь они не завладѣвали грунтами и не чинили обидъ монастырскимъ подданнымъ, и, наконецъ, если и этого сдѣлать нельзя, просили подтвердить казакамъ, чтобы они не вступали съ подданными ни въ какія сдѣлки относительно земли ¹⁾).

На ряду съ просьбой о возвращеніи земель, занятыхъ казаками, бывшими монастырскими подданными, монастыри выставили просьбу объ освобожденіи ихъ отъ всѣхъ процессуальныхъ сроковъ при веденіи земельныхъ тяжбныхъ дѣлъ и объ устраненіи для нихъ общихъ правилъ относительно земской давности. По дѣйствующимъ узаконеніямъ монастыри, наравнѣ съ свѣтскими владѣльцами, подлежали общимъ правиламъ относительно судебныхъ сроковъ (6-недѣльный для явки сторонъ въ суды 1-й инстанціи и годовой для подачи апелляціонныхъ жалобъ) и сроковъ земской давности ²⁾. Эти общіе сроки являлись для монастырей весьма стѣснительными, потому что, за частой переменой настоятелей и отсутствіемъ повѣренныхъ, они не могутъ осуществлять своихъ правъ съ такой быстротой, какъ частныя лица, а потому остаются весьма часто обиженными. За упущеніемъ указанныхъ сроковъ, „церковныя монастырскія земли, грунты и всякія угодія въ судахъ земскихъ, городскихъ и подкоморныхъ отъ церквей и монастырей отсужуются и, въ случаѣ тѣхъ судовъ подѣламъ о отнятіи и завладѣніи кѣмъ

¹⁾ Сб. 485, 562.

²⁾ Сборн. ст. 474.

либо церковныхъ монастырскихъ земель, грунтовъ и всякихъ угодій рѣшеніями недовольства, аппелляціи въ войсковомъ генеральномъ судѣ не принимаются и дѣла не перевершиваются, хотя бы на тѣ церковныя земли при монастыряхъ достаточныя крѣпости имѣлись“; чрезъ каковое монастырскихъ и церковныхъ земель, грунтовъ и всякихъ угодій отъ церквей и монастырей съ подвладѣнія подъ владѣніе свѣтскихъ отхожденіе или отбытіе церкви и монастыри до таковой скудости доведены, что оныхъ церквей монастырскихъ такъ, какъ церковному благолѣпію приличествуетъ, и при нихъ священно и церковнослужителей содержать нѣтъ чѣмъ“¹⁾. Вслѣдствіе этого монастыри и хлопотали объ отмѣнѣ означенныхъ сроковъ, указывая какъ на основаніе своей просьбы на привилегію 1588 года и указы 1748 и 1749 годовъ, по которымъ истеченіе давности срока не должно служить препятствіемъ къ отыскиванію монастырскихъ и церковныхъ земель изъ подъ сторонняго владѣнія²⁾. Указанными мѣрами монастыри хотѣли облегчить свое землевладѣніе на случай могущихъ возникнуть споровъ и тяжбъ.

Послѣ вопроса о грунтахъ важное мѣсто занимаютъ въ пунктахъ, относящихся къ экономическимъ вопросамъ, просьбы духовенства о правѣ свободного пользованія земельными угодіями. По дѣйствующему малороссійскому праву³⁾ духовенство, наравнѣ „съ свѣтскаго шляхетнаго чина людьми, имѣло вольность и свободу съ своихъ земель, грунтовъ, деревень и прочихъ угодій всякія, какія только могутъ быть, корысти получать“⁴⁾. Допуская пользованіе духовенству землею, законъ не ограничивалъ самаго его хозяйничанья, духовенство располагало средствами своей земли, какъ знало

¹⁾ Сборн. стр. 475—476, 561, 574.

²⁾ Сб. стр. 476.

³⁾ Статутъ, надѣлъ III, арт. 2 и 43.

⁴⁾ Сборн. ст. 491.

и какъ хотѣло. Тогдашнему времени не приходило на умъ вопросъ о приличіи или неприличіи заниматься духовенству земледѣліемъ, потому никто не думалъ опредѣлять, какіе продукты позволительны или непозволительны для духовенства, какая выдѣлка и сбытъ ихъ приличны или неприличны ему. Запрещеніе правительства и высшей духовной власти заниматься неприличными духовному званію торговыми и промыслами мало имѣло примѣненія въ Малороссіи ¹⁾.

Между различными отраслями сельскаго хозяйства важное мѣсто занимало въ Малороссіи винокурение. При слабомъ развитіи обрабатывающей фабричной промышленности винокурение являлось большимъ подспорьемъ въ сельскомъ хозяйствѣ. И дѣйствительно, винокурение было широко развито въ Малороссіи, каждый болѣе или менѣе зажиточный хозяинъ строилъ на своей землѣ винокурню ²⁾. Винокурение составляло даже привилегію лицъ шляхетскаго званія, правомъ

¹⁾ Вотъ, напримѣръ, какъ описываетъ Крыжановскій въ своихъ Очеркахъ быта малороссійскаго духовенства XVIII в. жизнь приходскаго священника „священникъ строилъ на своей землѣ винокурню, выдѣлывалъ подку, пиво, варилъ медъ, открывалъ на своей усадьбѣ шинокъ, въ которомъ семейство его продавало всякіе напитки, или же онъ разводилъ стада овецъ, выдѣлывалъ и продавалъ сальныя свѣчи, обдѣлывалъ кожи, шерсть, самъ съ снопьями шилъ и продавалъ кожухи и свѣтки; или же, нагрузивъ нѣсколько возовъ пшеницею, рожью, овсомъ и под. и простившись на мѣсяць-другой съ семействомъ и приходомъ, отправлялся въ Запорожье, Крымъ, тамъ продавалъ все, закупалъ въ Крыму соль, на Дону рыбу, развозилъ по малороссійскимъ ярмаркамъ“ (Крыжановскій. Рук. для сельск. наст. 1864, т. II, стр. 505).

²⁾ У томъ, какъ широко было распространено въ Малороссіи винокурение, говорятъ, напр., слѣдующіе факты. Въ предмѣстьяхъ Кіева—Пріорскъ и Куренскъ, гдѣ сидѣли хуторами кіевскіе мѣщане, въ половинѣ XVIII вѣка въ 84 дворовъ въ 62 было по винокурнѣ, на Сырцѣ было устроено 29 винокурень. Крещатицъ былъ обращенъ въ сплошную винокуренную слободку: здѣсь съ 1725 г. по 1766 г. было выстроено различными лицами 14 винокурень. На одномъ Подолѣ въ магистратскихъ шинкахъ продавалось отъ 25 до 30 тысячъ ведеръ водки, что давало городу доходу въ 9—10 тысячъ рублей. (Дучинскій. Кіевъ въ 1766 году. Кіевская Старина 1888 г. № I, ст. 73—78).

производить винокурениѣ пользовались казацкіе старшины и рядовые казаки какъ бы въ награду за ихъ службу государству. Этимъ же правомъ пользовалось также и духовенство какъ бѣлое, такъ и монашествующее. При отсутствіи „другихъ заводовъ и экономій“, для духовенства „малогрунтоваго, особенно же для того, которое живетъ въ такихъ мѣстахъ, въ коихъ пахатныхъ и сѣнокосныхъ земель мало и къ единому только винокурению угодія тѣхъ мѣстъ способствуютъ“, винокурениѣ служило для „всякихъ домашнихъ обхожденій и случаевъ, наче же для содержанія на кормъ винокуренномъ скота“ ¹⁾. Еще большее значеніе имѣли винокурениѣ и виноторговля для монастырей. „Съ своихъ земель, грунтовъ, деревень и другихъ угодій монастыри получали единый только хлѣбъ, да при которыхъ монастыряхъ имѣлись лѣса,—дрова“. Въ этомъ случаѣ винокурениѣ служило для сбыта излишняго монастырскаго хлѣба и лѣса: винокурениѣ производилось „съ хлѣба монастырскаго и во время дешевизны съ покупного и дровами монастырскими, а при коихъ монастыряхъ лѣсовъ не имѣется и покупными“ ²⁾. Получавшійся отъ винокурениѣ и виноторговли доходъ шелъ на исправленіе „церковныхъ, общецерковныхъ и монастырскихъ нуждъ, какъ-то: для починки и содержанія церквей и исправленія самонужнѣйшихъ ветхостей, такожь для дѣланія вновь по необходимости строенія монашествующимъ, нужнаго одѣянія и ради производства монастырскимъ разныхъ званій служителямъ награжденій“ ³⁾.

Правомъ винокурениѣ малороссійское бѣлое духовенство пользовалось до 1757 года, а въ этомъ году гетманъ Разумовскій „по причинѣ якобы недорода хлѣба“, а затѣмъ

¹⁾ Сб. стр. 440.

²⁾ Сб. 491

³⁾ Сб. стр. 563

и въ 1761 году уже окончательно запретилъ курить вино „всѣмъ посполитаго званія людямъ, какъ-то: мѣщанамъ, посадскимъ, раскольникамъ, мужикамъ, а особливо попамъ и всѣмъ прочимъ такимъ разночинцамъ, отъ которыхъ никакой службы не предвидится“, при чемъ мотивомъ такого запрещенія выставлялся вредъ, происходящій отъ истребленія хлѣба и лѣса, и вредное вліяніе этой промышленности на другіе народныя промыслы и ремесла и на народную нравственность¹⁾. При томъ значеніи, какое имѣло винокуреніе въ Малороссіи, означенное запрещеніе поставило духовенство въ невыгодное экономическое положеніе. Духовенство жалуется, что, вслѣдствіе указаннаго запрещенія, „духовный чинъ оставленъ на единыхъ парохіальныхъ и къ дневному пропитанію весьма недовольныхъ доходахъ“²⁾, поэтому духовенство и хлопотало о предоставленіи ему свободы винокуренія. Желая свободы винокуренія, духовенство замѣчало, что запрещеніе ему винокуренія не можетъ уменьшить истребленіе хлѣба и лѣса, такъ какъ такихъ винокурень весьма мало сравнительно съ народными, „да и тѣ винокурни по большей части своимъ хлѣбомъ и лѣсомъ довольствуются“, напротивъ, въ винокурении населеніе находило сбытъ хлѣба и лѣса, дающій крестьянамъ возможность уплачивать подати, а казакамъ нести военную службу и справляться въ домашнемъ обиходѣ³⁾. Особенно недовольно было духовенство тѣмъ, что универсалъ Разумовскаго въ отношеніи винокуренія приравнялъ духовенство къ посполитымъ и разночинцамъ, „отъ которыхъ никакой службы не предвидится“, лишивъ духовный чинъ „такого респекту,

¹⁾ Сб. стр. 440.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Сб. стр. 441—442.

каковъ положенъ на сотниковъ и сотенныхъ старшинъ и самихъ рядовыхъ казаковъ“. Духовенство указывало, что Разумовскій несправедливо лишилъ его этого права, такъ какъ оно, духовенство, такъ же служить государству, какъ и другія сословія, и „духовнаго чина людямъ считатись въ равенствѣ съ мужиками не слѣдуетъ и крайне обидно“. Между тѣмъ, „сравненіе духовнаго чина людей съ мужиками произошло, такъ всѣмъ въ примѣту и примѣръ къ послѣднему ихъ уничтоженію. Не только шляхетство и чиновники, но и самыя меньшіе сотенныя старшины и рядовые казаки приняли ихъ въ крайнее посмѣяніе и укоризну, и чрезъ то возымѣли полномочную надъ духовнаго чина людьми злость“, и съ „боемъ, ломкою котловъ и трубъ и взятіемъ тѣхъ котловъ подъ арестъ“ принялись за истребленіе поповскихъ шинковъ и винокурень, причиняя тѣмъ „въ винокуренной работѣ, посудѣ и въ скотѣ не малые убытки“¹⁾.

Что же касается до монастырей, то ихъ указъ 1757 года и универсалъ Разумовскаго 1761 года не коснулись. Тѣмъ не менѣе монастыри принуждены были весьма часто терпѣть ограниченія въ своемъ правѣ производить свободно винокуреніе. Обыкновенно въ тѣхъ случаяхъ, когда „по недостатку хлѣба и по другимъ обстоятельствамъ бываетъ запрещеніе изъ Малороссійской Коллегіи—винное куреніе производить на меньшее противъ прежняго числа котловъ, то въ тѣ времена свѣтскіе командиры не токмо противъ свѣтскихъ шляхетнаго чина людей винное куреніе въ монастырскихъ винокурняхъ производить не допускаютъ, но инымъ монастырямъ и вовсе запрещаютъ и, не давъ въ монастыри знать, въ какой силѣ бываютъ въ винокуреніи

¹⁾ Сборн. стр. 440—441, 570.

запрещенія, насылають команды и показанщиковъ и черезъ нихъ монастырскіе котлы вырываютъ и забирають, мимо вѣдома монастырей, и притомъ всякія обиды и убытки монастырямъ причиняють“; да и въ обычное время, когда винокуреніе разрѣшалось свободно и всѣмъ, „свѣтскіе командиры монастырямъ таковыя-же въ винномъ куреніи пренятствія и обиды и убытки приключаютъ“ ¹⁾. Поэтому монастыри и ходатайствовали о подтвержденіи имъ права свободнаго винокуренія и предоставленіи имъ винной торговли въ своихъ деревняхъ, воспретивъ производство ея посполитымъ и живущимъ въ монастырскихъ деревняхъ казакамъ ²⁾.

На ряду съ свободнымъ винокурениемъ монастыри черниговской епархіи хлопотали о безпошлинномъ занятіи другими отраслями промышленности: заводами желѣзными, стеклянными, вапненными и др., а вмѣстѣ съ тѣмъ просили о сложеніи сборовъ, взимававшихся съ бортнаго дерева пасѣкъ, перевозовъ, съ продажи вина, лошадей, скота, пеньки и прочаго ³⁾. Очевидно, что духовенство не было свободно отъ указанныхъ сборовъ и пошлинъ, не смотря на указы 1753, 1754 и 1755 годовъ, которыми отмѣнялись все внутреннія пошлины „съ товаровъ и прочаго малороссійскаго продукта, т. е. со всего того, что въ Малой Россіи дѣлается и родится“ ⁴⁾. Въ такомъ видѣ изображаютъ пункты положеніе малороссійскаго духовенства въ отношеніи его правъ на имущество.

А. Діанинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Сб. стр. 494.

²⁾ Сб. стр. 495. 563, 485.

³⁾ Сб. стр. 564.

⁴⁾ Сб. стр. 465.